

Грицук Л. Н.
*Преподаватель кафедры классической и
современной зарубежной литературы,
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
Беларусь, г. Брест*

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛИРИКИ МАКСИМА БОГДАНОВИЧА

Со времен мифологии и гомеровского эпоса и до наших дней в творчестве белорусских писателей часто переплетались объективные и субъективные начала. Среди белорусских писателей, работавших в начале XX века, есть художники слова, которые отдают предпочтение первому началу, тем самым обнаруживают верность реалистическому типу творчества (Якуб Колос, Владимир Голубок, Янка Купала и др.). А другие склонны к субъективной трансформации жизни и, тем самым, ближе стоят к романтическому типу творчества.

Каждый из двух этих типов творчества (Л.И. Тимофеев) по-разному проявляет себя в различные исторические эпохи. Второй, который еще называют нереалистическим, ищет романтику жизни, преобразует мир, углубляется в виртуальность. С кризисом политической власти возрастает чувство индивидуализма, нарушается внутренняя гармония мира, личности, появляется мотив апокалипсиса, смерти как безысходности. Тогда реалистический тип творчества как бы уступает место нереалистическому: модернистскому, постмодернистскому и – в определенной степени – романтическому их предшественнику.

Максим Богданович писал после первой русской революции, когда явно ощущалось разрушение прежнего российского образа жизни. Творчество белорусского поэта вобрало в себя признаки литературных традиций, выработанных в Европе в начале XX века: и символизма, и импрессионизма, и, естественно, реализма. Разочаровавшись в реальной жизни, неудовлетворенный ею, поэт разоблачает противоречивость и драматизм жизни, противопоставляет действительности свой эстетический идеал. Этот идеал существует в душе героя, это его мечта, экзотическая и яркая сказка:

І марылі астры ў цудоўнаму сне
Аб зёлках шаўковых, аб сонечным дне.
І казачны край падымаўся з іх сна,
Дзе кветкі не вянуць, дзе вечно ясна... [1, с. 131]

Романтизм Максима Богдановича опирается на национально-культурную традицию. В мрачном будничном течении общественной жизни, когда духовное начало в человеке подавляется, стремление М. Богдановича к возвышенному, духовному не находило удовлетворения в том, что происходило вокруг него в мире. Романтические тенденции в поэзии

«Максима-книжника» особенно ярко выступают в любовной лирике. Поэт возвышенно пишет об этом чувстве, он удовлетворен тем, что люди не страдают. Однако от действительности, не оправдавшей надежд поэта, М. Богданович уходит в мир интимного и тайного, сказочного, виртуального:

Усё вышэй і вышэй я на гору ўзбіраўся,
Падымаўся да сонца, што дае нам цяпло:
Але толькі чым болей да яго набліжаўся,
Тым усё халадней мне й маркотней было [1, с. 115].

Отличительной особенностью романтических произведений Максима Богдановича является то, что реалистические зарисовки он наполняет мифологическими образами, дает короткие, как у импрессионистов, мгновенные описания явлений. Нереалистический мир помогает поэту раскрыть заинтересованному читателю окружающий мир по-иному, заглянуть в его тайные уголки. В произведениях поэта присутствует дух романтического идеала, цель которого – помочь понять сущность человеческой души. Еще с давних пор мифология в фантастической форме передавала первобытные наблюдения человека за жизнью природы и общества, являлась итогом народной мудрости. Романтизм М. Богдановича связан с природой, которая сама – сказка, миф, а поэтому через явления природы поэт более глубоко описывает человеческие чувства:

У небе – ля хмары грымотнай – празрыстая, лёгкая хмара
Шпарка плыла, і абедзве чагось чырванелі ад жару.
Зліцца жадалі яны, зрабіліся б хмарай магутнай,
Але далёка іх вецер разнёс, наляцеўшы нячутна [1, с. 35].

Таким образом, в лирике Максима Богдановича находим черты романтического типа творчества:

- автор противопоставляет суровой действительности возвышенного героя;
- на некоторое мгновение поэт как бы убегает от бытия в мир чувств, в мир любви, мечты;
- лирика поэта имеет двуплановый характер, показывает бытие будто в двух зеркалах: в одном – сказочном, в другом – реальном;
- поэт использует такие художественные приемы, как антитеза, гиперболы, гротеск, что присуще романтическому и модернистскому стилю письма в большей степени, чем реалистическому;
- поэзия Максима Богдановича имеет возвышенный эмоционально-патетический стиль.

Несмотря на то, что Максим Богданович выступает как поэт-романтик, он объединяет возвышенные мечты с реальными жизненными проблемами, отдавая дань уважения давней реалистической традиции белорусской литературы.

Литература

1. Багдановіч М. Збор твораў: у двух тамах. Том 1. – Мінск: Навука і тэхніка, 1968.

Давшан А. Н.

*Д.ф.н., профессор НУУз им. Мирзо Улугбека
Узбекистан, г.Ташкент*

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ УЗБЕКИСТАНА

Диалог культур как общение между субъектами культур многоаспектное понятие. «Сегодня меняется строй разума – от человека образованного к человеку культуры, сопрягающему в своём мышлении и деятельности различные, не сводимые друг к другу культуры, формы деятельности», - считает В. С. Библер. В многонациональном центральном/среднеазиатском регионе образ жизни, исторические события, религиозная принадлежность способствовали постоянному взаимодействию нескольких культур.

Сращение национальных миров в поэтической авторской картине отличает индивидуальный стиль современных прозаиков и поэтов, представляющих русскоязычную литературу Узбекистана. Эгих авторов немного. Среди них Марта Ким, в поэтическом мире которой встретились представления и образы мировой культуры.

Так случилось, что поэт оказался отлучён от своего национального языка и родным стал русский, а филологическое образование обеспечило знание мировой культуры. При этом мы наблюдаем абсолютное отсутствие разделения на «своё и чужое».

Образная картина мира, вырастающая в лирике М. Ким, наполнена звуками из разных культурных систем: напористостью русской частушки («Выйду к речке горевать, // Горевать – не целовать»), чуть слышным шелестом Востока («Счастье – когда ты рядом. А я – тише воды»), переключкой с ахматовским словом, цветаевской ритмикой. Характерная черта её образа мира - переосмысление привычных устоявшихся представлений и понятий. Так дом на песке заменяется дворцом на песке и представляет, таким образом, гораздо большую катастрофу. Синицу, которая в соответствии с русской пословицей, в отличие от журавля в небе, должна быть в руках, оказывается, надо отпустить в небо. Упадок творческого вдохновения (когда не пишутся стихи) и невозможность мечтать о море дают автору исключительно трезвое жёсткое зрение: «Я понимаю суть толпы - // немилосердной и суровой».

К прозе, замеченной, оценённой и связанной с Узбекистаном, принадлежат «Ташкентский роман» Евгения Абдуллаева (2005) и роман